

РЕЦЕНЗИИ REVIEWS

DOI 10.15826/izv2.2020.22.3.058
УДК 94(4)“375/1492”

А. С. Козлов
Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия

РОСТ РАЗЛИЧИЙ МЕЖДУ ЗАПАДОМ И ВОСТОКОМ ЕВРОПЫ ПРИ ПЕРЕХОДЕ К СРЕДНЕВЕКОВЬЮ

Рец. на кн.: Osten und Westen 400–600 n. Chr.: Kommunikation, Kooperation und Konflikt / Hg. C. Föller, F. Schulz. — Stuttgart : Franz Steiner Verl., 2016. — 316 S. (Roma aeterna: Beiträge zu Spätantike und Frühmittelalter ; Bd. 4)

Рецензия раскрывает концептуальную и содержательную сторону сборника трудов немецких специалистов, анализирующих особенности и сущностные характеристики нарастания различий между европейским Западом и Восточным Средиземноморьем в эпоху раннего Средневековья. Указана актуальность избранной исследователями тематики в рамках заявленной проблемы, плюрализм в методиках подхода к сложному материалу и корректность в подборе исторических фактов, необходимых для понимания перехода от поздней Античности к средневековым реалиям. Подчеркнута спорность решения вопросов, касающихся презентации исследователями узловых проблем истории раннесредневековой Европы, особенно в сочетании с попытками выйти на эти проблемы через довольно узкие сюжеты. Особое внимание обращено на те тезисы сборника, которые по-новому пытаются раскрыть природу и содержание нарастания непонимания друг друга политическими и социальными группами государств Запада и Востока Европы 400–800 гг. Показана определенная непоследовательность ряда авторов книги в попытках избежать проецирования социально-политических и религиозно-культурных различий между Западом и Востоком поздней Античности и раннего Средневековья на аналогичные расхождения в развитии исследуемых регионов в XX и XXI вв.

К л ю ч е в ы е с л о в а: раннесредневековая Европа; поздняя Римская империя; различия между Востоком и Западом Европы

Ц и т и р о в а н и е: Козлов А. С. Рост различий между Западом и Востоком Европы при переходе к Средневековью. DOI 10.15826/izv2.2020.22.3.058 // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 2: Гуманитар. науки. 2020. Т. 22. № 3 (200). С. 279–286. Рец. на кн.: Osten und Westen 400–600 n. Chr.: Kommunikation, Kooperation und Konflikt / Hg. C. Föller, F. Schulz. — Stuttgart : Franz Steiner Verl., 2016. — 316 S. (Roma aeterna: Beiträge zu Spätantike und Frühmittelalter ; Bd. 4)

Поступила в редакцию: 11.09.2019

Принята к печати: 29.06.2020

Aleksandr S. Kozlov

Ural Federal University
Yekaterinburg, Russia

GROWING DIFFERENCES BETWEEN THE WEST AND THE EAST OF EUROPE IN THE TRANSITION TO THE MIDDLE AGES

Review of: Föller, C., & Schulz, F. (Eds.). (2016). Osten und Westen 400–600 n. Chr.: Kommunikation, Kooperation und Konflikt. *Roma aeterna: Beiträge zu Spätantike und Frühmittelalter*, 4. Stuttgart: Franz Steiner Verlag. 316 p.

This review reveals the conceptual and content side of a collection of works by German specialists, analysing the features and essential characteristics of the growing differences between the European West and the Eastern Mediterranean in the early Middle Ages. The reviewer emphasises the relevance of the subject chosen by the researchers within the framework of the stated problem, pluralism of methods they employ when approaching the complex material and the accuracy in the selection of historical facts necessary for understanding the transition from late Antiquity to medieval realities. Also, the reviewer points out the controversy of solving issues related to the way the researchers present the key issues of the history of early medieval Europe, especially as combined with their attempts to reach these issues through rather narrow subjects. Special attention is paid to the theses of the collection which make a new attempt at revealing the nature and content of the growing misunderstanding between the political and social groups of Western and Eastern Europe in 400–800 AD. The paper demonstrates a certain inconsistency of a number of authors of the book in their attempt to avoid projection of sociopolitical and religious and cultural differences between the West and the East of late Antiquity and the early Middle Ages on apparently similar discrepancies in the development of the studied regions in the twentieth and twenty-first centuries.

Key words: early medieval Europe; Late Roman Empire; differences between the East and the West of Europe

For citation: Kozlov, A. S. (2020). Rost razlichii mezhdu Zapadom i Vostokom Evropy pri perekhode k Srednevekov'iu [Growing Differences between the West and the East of Europe in the Transition to the Middle Ages]. *Review of:* Föller, C., & Schulz, F. (Eds.). (2016). Osten und Westen 400–600 n. Chr.: Kommunikation,

Kooperation und Konflikt. *Roma aeterna: Beiträge zu Spätantike und Frühmittelalter*, 4. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 316 p. *Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2: Humanities and Arts*, 22, 3 (200), 279–286. doi: 10.15826/izv2.2020.22.3.058

Submitted: 11.09.2019

Accepted: 29.06.2020

Рецензируемая книга содержит очередную попытку интерпретации перехода от поздней Античности к раннему Средневековью через анализ процесса деградации как культурных скреп, так и политических связей между восточными и западными регионами Римской империи. При этом создатели книги прекрасно осознают опасность современных геополитических коннотаций применительно к такой тематике, а потому определяют «Восток» и «Запад» как культурно гомогенные регионы, в действительности являвшиеся грекоязычным Востоком и латиноязычным Западом, каковыми они выглядели после смерти императора Феодосия I и окончательного формирования двух империй с 395 г. Подобный подход к материалу оставляет за скобками культурные и политические различия между этими двумя регионами в более ранние эпохи, ибо основан на предположении, что внутренние особенности имели меньшее значение, нежели *allgemeine Tendenzen* («общие тенденции»), заставлявшие восточные и западные провинции расходиться друг с другом.

Сразу отмечу то, что в суждениях авторов сборника мне кажется наиболее существенным. Для сравнения позднеантичного Востока и позднеантичного Запада с целью проиллюстрировать феномен независимого развития каждой из двух частей разделенной империи редакторы (и авторы) сборника учитывают многоаспектность и многомерность содержания этой темы, а потому группируют свои изыскания по четырем проблемам: 1) идентичность посредством культивирования особенностей интеллектуального образования; 2) восприятие «другого»; 3) существующая на тот момент проблема коммуникации; 4) вопросы войны и конфликтов в целом. Отсюда собственно исторические наблюдения организованы в виде четырех разделов.

Хотя вопросы теории и методики выделены в книге отдельным пятым разделом, к ним в разной форме и в разных пропорциях обращаются и собственно исторические статьи. Указанный заключительный раздел сборника («**Методические перспективы**») демонстрирует две очень примечательные, но тематически весьма ограниченные попытки применения нескольких новейших методик (синтезирующих историко-социологические и структурно-источниковедческие подходы) исследования конфликтных и квазиконфликтных исторических коммуникаций. Так, *Т. Шёттлер* презентует современные варианты «измерений непонимания», начиная с «непонимания буквального» и кончая «непониманием фигуральным» (S. 281–300). То есть речь идет об условиях понимания языка друг друга — тема хотя и важная, но, по-моему, составляющая лишь один из многих сегментов заявленной в книге темы.

Вторая статья раздела состоит из ряда замечаний *У. Вальтера* к основополагающим концептуальным вопросам в контексте цели, поставленной сборником (S. 301–307). Таким образом, характер и содержание методического раздела касаются не столько самой (во всей ее сложности) темы сосуществования позднеантичного Востока и Запада, сколько некоторых ее составляющих и конкретных (иногда — частных и узких) изысканий по ряду вызываемых ею вопросов (пусть иногда и очень важных). Тем не менее стоит обратить внимание на то, что при взгляде на перспективы заявленной темы Вальтер предлагает несколько направлений ее исследования. Рассмотрение *всех* видов коммуникативности в 400–600 гг. должно обеспечить, по его мнению, более глубокое понимание поведения и отношений высокопоставленных лиц, которые представляли отдаляющиеся друг от друга Восток и Запад. Далее будущие исследования должны проверить предположение, подразумеваемое во многих работах, что Восток и Запад были более интегрированы в ранней империи, чем в поздней Античности (S. 285). И, наконец, будущие исследования должны рассмотреть роль христианской церкви в распаде культурных и политических связей, связывающих Восточную и Западную империи.

Первый раздел сборника, содержащий работы Я. Р. Штенгера, М. Беккера и О. Шельске, исследует способы формирования грекоязычными интеллектуалами IV в. своей идентичности в обстановке политической и культурной нестабильности. Здесь, на мой взгляд, приоритет имеет статья *О. Шельске*, — в силу ее более широкого взгляда на парадоксы эпохи. К последним, безусловно, относятся стремление к политическому единству (несмотря на разделение империи в 395 г. и исчезновение императорской власти на Западе в 476 г.) и осознание *gemeinsame römische Identität* («совместной римской идентичности»), а также устойчивых культурных связей (несмотря на рост тенденции к взаимному непониманию) (S. 72–73).

Принимая во внимание такого рода парадоксы (а с их наличием трудно не согласиться), не стоит удивляться, что концепты статей данного раздела могут противоречить друг другу. Например, статья *Я. Р. Штенгера* фокусируется на самоидентичностях Либания, Гимерия и Фемиствия, сконструированных самими этими интеллектуалами и базирующихся на виртуозности их греческого языка, единственного способного выразить их идеалы и усвоить классическую παιδεία (образование, культуру). Поэтому как истинные представители цивилизованного человечества они презирали латиноязычных (а значит, малообразованных) правителей Рима и Равенны! (S. 17–36).

Анализ «Жизнеописаний философов и софистов» Евнапия, предпринятый *М. Беккером*, усиливает впечатление от нарастания «культурной фрагментации» в IV–V вв. Ибо παιδεία Евнапия возвышает его над христианами (которые соперничают с интеллектуалами-язычниками во взглядах на образование и культуру) и, естественно, над латиноязычными «коллегами» (S. 37–54). Но тут следует учитывать, что Шельске пишет о тренде греко- и латиноязычных интеллектуалов IV в. к объединению (несмотря на различие в языке), чтобы подтвердить

превосходство языческой *paideia* в ответ на маргинализацию культуры во все более христианизирующейся Римской империи. Кроме того, он предполагает, что различия между греко- и латиноязычными христианами сыграли важную роль в этой самой культурной фрагментации общества и государства поздней Античности.

Работы, размещенные во втором разделе рецензируемого тома, исследуют восприятие «других» в постримском мире, фрагментация которого благоприятствовала развитию новых идентичностей. Для *Х.-В. Гетца* ссылки на Византию, присутствующие в трудах Григория Турского и Фредегара, демонстрируют постепенную трансформацию отношения Запада к империи ромеев (S. 77–98). Оказывается, для обоих франкских авторов эта далекая страна потеряла способность влиять на франкские дела, несмотря на дипломатические контакты и вмешательства, имевшие место от случая к случаю. Так или иначе, их неисторичные, нравоучительные рассказы о византийских правителях на этот сюжет показывают, насколько размытым было на Западе VI–VII вв. представление о Восточной Римской империи. Примечательно, однако, что ни один из тогдашних авторов не выражает враждебности по отношению к Византии, — враждебности, весьма очевидной в последующие века.

«Франкская» тема продолжена *Х. Штадерманом*. Молодой медиевист (его магистерская работа была посвящена политике альянсов Теодориха Великого) находит доказательства различия в восприятии короля Хлодвиг наративами Галлии, Вестготского, Остготского и Франкского королевств VI в., — применительно к победе Хлодвиг над вестготами при Вуйе в 507 г. Большинство этих источников описывает борьбу за гегемонию в Галлии вне религиозного подтекста, а галло-римские авторы не любят Хлодвиг за агрессивность, несущую страдания местному народу. Десятилетия спустя Григорий Турский создал свой портрет Хлодвиг на базе ограниченного числа документов, написанных священнослужителями и связанных с королевским двором и церковью Пуатье. Иначе говоря, общая для франков идентичность, связывавшая объединение Галлии с католиком Хлодвигом, формировалась в постримском мире очень медленно (S. 114–115). Похожий вывод — о постепенном появлении новых идентичностей в среде сирийских несториан, живших в державе Сасанидов, — делает Д. Ф. Бумажнов. Нивелирование значений «Востока» и «Запада» в данном случае проявлялось в том, что сирийские несториане обращали свой взор на «Запад», которым для них была Византия (S. 117–133). Заслуживает всяческого внимания констатация автором статьи того факта, что к VII в. более полное осознание доктринальных различий, рожденных Халкидонским собором, а также уступки, сделанные сирийскими «ромеями» персидской власти, привели местных христиан к восприятию Византии как источника ложных доктрин и к восприятию шахиншаха как хранителя истинной веры.

Работы, включенные в третий раздел рецензируемого тома, посвящены противоречиям внутри якобы однородного слоя христианизированных *римлян* (в социокультурном понимании IV–VI вв.), особенно между

латино- и грекоязычными прелатами, взаимное непонимание которых подтверждает положение О. Шельке о том, что различия между христианами Запада и Востока сыграли значительную роль в разрыве культурных связей между соответствующими регионами — сначала регионами империи, а затем — между Византией и варварскими королевствами Запада. По наблюдениям *Ф. Шульца*, нарастание этого разрыва демонстрируют уже Иероним и Августин, хотя и по-разному. В самом деле, еще К. Крумайх показала [Krumeich, S. 197–214], — и Шульц это подтверждает, — что, несмотря на всю свою образованность, Иероним во время пребывания на Востоке оставался чужаком, латинянином среди греков, всегда больше интересовавшихся его связями с Западом (S. 155), — и наиболее успешно демонстрирует через анализ их рефлексии на пелагианский спор. Ибо, несмотря на все совместные усилия, Иерониму и Августину удалось лишь на время убедить греческих коллег в ошибочности тезисов пелагианцев.

Такого же рода наблюдения над неспособностью представителей церковной элиты эффективно контактировать друг с другом делает *С. Штольц*, анализируя попытки папы Симплиция вмешаться в споры, разделявшие грекоязычных прелатов после Халкидонского собора (S. 157–172). Действительно, почти полностью полагаясь на патриарха и императора, не имея надежных контактов за пределами Константинополя, папа оказался в роли плохо информированного аутсайдера с разрушенными планами.

Схожий сюжет избрала для своего исследования и *К. Фёллер*. Она довольно смело утверждает, что папа Григорий Великий оценил высокомерие, продемонстрированное Константинопольским патриархом при принятии титула «Все-ленский патриарх», как знак скорого наступления конца света (S. 188). В то же время в Константинополе, как известно, патриархом Иоанном восхищались за его монашеское смирение. На этом фоне акцент папы Григория на необходимости патриарху смириться выглядел неубедительно. Добавлю, что такого рода непонимание между папством и патриаршеством можно, наряду с прочим, расценивать как рост расхождений в восточной и западной монашеской культуре.

Если статьи третьего раздела книги целиком соответствуют его концепции, то с содержанием четвертого раздела всё иначе. Формально он посвящен войне и политическим конфликтам, но на деле речь идет лишь о нескольких сегментах этих явлений, но прежде всего — о политическом взаимовлиянии конфликтных событий в имперском центре и на периферии. Так, в статьях А. Погунтке и К. Эндерле акцент сделан на раздорах, сопровождавших разделение империи в конце IV в. и перевороты в Равенне и в Византии в 475–476 гг. Разбирая многократно поднимаемую в историографии тему отношений между дворами Константинополя и Равенны после 395 г., *А. Погунтке* сводит дело к отношениям Стилихона и Гонория, с одной стороны, и Гайны и Аркадия — с другой. Ход мысли исследовательницы, на мой взгляд, поверхностен: редкие контакты Стилихона с императором Гонорием оставили могущественного магистра войск в одиночестве (?) в кризисных 407–408 гг., когда действия императора и его магистра официальных Олимпия привели к падению этого защитника империи.

С другой стороны, частые (?) контакты магистра войск гота Гайны и императора Аркадия не предотвратили падения Гайны, после того как тот потребовал учредить в Константинополе храм для ариан, что вызвало гнев патриарха и населения столицы (S. 239–263). Трактовка событий до предела упрощенная, достаточно вспомнить обстоятельные монографии [Albert; Demougeot; Cameron, Long; Liebeschuetz], где показаны крайне сложные переплетения причинно-следственных связей, приведших к кризису 400 г. в Византии.

Статья К. Эндерле, напротив, оригинальна даже по сюжету и теме. Поставлен вопрос о причинах повышенных апокалиптических ожиданий в Византии около 500 г. (S. 263–279). Вера в то, что конец света наступит в *annus mundi* 6000, безусловно, была важной составляющей таких ожиданий, но последние, по мнению автора, были весьма подкреплены массовой неудовлетворенностью решениями Халкидонского собора и политическими неурядицами, сопровождавшими короткое правление императора-еретика Василиска (когда тоже имел место всплеск такого рода ожиданий). Кроме того, считает К. Эндерле, исчезновение в это же время императорского престола на Западе работало на подрыв доверия к верховной власти. Последнее утверждение, кстати говоря, весьма спорно, учитывая наблюдения по данному вопросу в капитальной монографии Р. Пфайльшифтера.

Несравненно свежее и убедительнее выглядят концепции и материал работ Д. Йегера и Г. М. Берндта, также помещенных в этом разделе книги. Они анализируют, как определенные группы провинциалов реагировали на нестабильность империи. С точки зрения методики исследования интересна попытка Д. Йегера в обход парадигмы «новой немецкой истории учреждений» найти подход более удовлетворительный к крайне противоречивому на этот счет материалу V в. В качестве предварительного шага он предлагает понятие *Kriegermodus*, «приближенный к войне образ жизни», характерный для периферии империи и сформировавшийся к середине V в. как альтернатива стабильному образу жизни центра. Д. Йегер применяет свою парадигму при кратком анализе поведения гуннов, вторгавшихся из Паннонии в Византию, поведения вестготского короля Эвриха в ходе военных действий в регионе Клермона (S. 230–231). Что же касается исследования Г. М. Берндта, то он демонстрирует, как Теодорих Великий сумел преодолеть столь нестабильный образ жизни, а потому и стал полноценным королем в Италии 490-х гг. (S. 193–214).

Нетрудно заметить, что у большинства авторов книги на первом плане стоят различия, обусловленные, по их мнению, прежде всего проблемой коммуникации, — различия, которые большей частью связываются исследователями с обособленным развитием позднеантичного Востока и Запада. В итоге наличествующие в статьях сборника анализ и выводы презентуют многомерный калейдоскоп указаний на основы возраставшего отчуждения частей империи друг от друга. Примечательно, что у всех авторов книги в разной степени присутствует мысль, особенно четко прозвучавшая в статье У. Вальтера: при констатации указанного отчуждения нельзя считать исчерпывающими «главные, надперсональные и относящиеся к разным ситуациям условия гомогенности

и разобщения» (S. 304). Вывод, надо сказать, явно относящийся не только к оценке далекого прошлого, а значит, весьма пессимистичный.

Исследования

Albert G. Goten in Konstantinopel. Untersuchungen zur oströmischen Geschichte urn das Jahr 400 n. Chr. Paderborn : Ferdinand Schöningh, 1984. (Studien zur Geschichte und Kultur des Altertums ; N.F. 2).

Cameron A., Long J. Barbarians and politics at the Court of Arcadius. Berkeley ; Los Angeles ; Oxford : Univ. of California Press, 1993.

Demougeot E. De l'unité à la division de l'Empire romain (395–410). Essai sur le gouvernement impérial. Paris : Adrien Naisonneuve, 1951.

Krumeich Ch. Hieronymus und die christlichen feminae clarissimae. Bonn : Habelts Verl., 1993. (Habelts Dissertationsdrucke. Reihe Alte Geschichte ; H. 36).

Liebeschuetz J. H. W. G. Barbarians and Bishops. Army, Church, and State in the Age of Arcadius and Chrysostom. Oxford : Clarendon Press, 1990.

References

Albert, G. (1984). Goten in Konstantinopel. Untersuchungen zur oströmischen Geschichte urn das Jahr 400 n. Chr. *Studien zur Geschichte und Kultur des Altertums, N.F. 2*. Paderborn: Ferdinand Schöningh.

Cameron, A., & Long, J. (1993). *Barbarians and Politics at the Court of Arcadius*. Berkeley; Los Angeles; Oxford: University of California Press.

Demougeot, E. (1951). *De l'unité à la division de l'Empire romain (395–410). Essai sur le gouvernement impérial*. Paris: Adrien Naisonneuve.

Krumeich, Ch. (1993). Hieronymus und die christlichen feminae clarissimae. *Habelts Dissertationsdrucke. Reihe Alte Geschichte, 36*. Bonn: Habelts Verlag.

Liebeschuetz, J. H. W. G. (1990). *Barbarians and Bishops. Army, Church, and State in the Age of Arcadius and Chrysostom*. Oxford: Clarendon Press.

Козлов Александр Сергеевич

кандидат исторических наук, доцент
кафедры истории Древнего мира и Средних веков

Уральский федеральный университет
620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51
E-mail: alarich@olympus.ru

Kozlov, Aleksandr Sergeevich

PhD (History), Associate Professor
Department of History of Ancient World and Middle Ages

Ural Federal University
51, Lenin Ave., 620000 Yekaterinburg, Russia
Email: alarich@olympus.ru
ORCID: 0000-0002-9203-9169